

Колегов С. С. Проблема материального обеспечения постоянных дипломатических представительств России в Европе в третьей четверти XVII — первые годы XVIII столетий / С. С. Колегов // Научный диалог. — 2014. — № 8 (32) : История. Экономика. Право. — С. 15—37.

УДК 93/94“16/17”+341.217:341.71

Проблема материального обеспечения постоянных дипломатических представительств России в Европе в третьей четверти XVII — первые годы XVIII столетий

С. С. Колегов

В статье проанализирована проблема материального обеспечения первых постоянных дипломатических представительств России в таких государствах, как Речь Посполитая, Голландия, Швеция, Дания. На основании представленного материала можно судить о том, какие именно средства получали главы посольств, от кого и в каком объеме, а также на какие цели они расходовались. Автор приходит к выводу о том, что с конца XVII века по начало XVIII столетия начинает складываться система финансирования постоянных дипломатических представительств России. Получаемые средства состояли из собственно денег и натуральных выдач (меха, ткани, продовольствие для людей и фураж для коней). Иностранцы также выделяли определенные средства для русских представительств, однако работали послы лишь благодаря финансовой поддержке из Москвы. Средств постоянно не хватало. «Резиденты» (послы) и в XVII, и в начале XVIII столетий жаловались в Москву, что вынуждены брать деньги в долг, продавать вещи (В. М. Тяпкин) или покрывать огромные расходы из средств, получаемых из собственных владений в России (А. А. Матвеев). Деньги шли не только на содержание самих посольств, но также на покупку необходимой информации, под-

куп нужных людей и награды, выдаваемые русскими послами за оказанные их правительству услуги. Подкуп в то время стал обычным дипломатическим приемом, позволявшим вести пропаганду и создавать за границей благоприятное впечатление о своем государстве, приобретать необходимых партнеров.

Ключевые слова: дипломатическая миссия; посольство; ефимок; подьячий; Польско-Литовское государство; посол; «резидент»; столтник.

С историей внешней политики России XVII века связано множество вопросов, которые привлекают внимание исследователей. Вторая половина столетия является особенно значимой для истории Русского государства: страна, оправившаяся от катастрофы Смутного времени, начинает постепенно восстанавливать свои утерянные в международном плане позиции. Именно в этот период были возвращены отторгнутые в ходе Смуты земли, страна вступила в союз с другими европейскими государствами против Османской империи и Крымского ханства. Наиболее важным моментом в дипломатических отношениях России с ее западными соседями стало появление постоянных посольств на территории Речи Посполитой (1673 г.), а в конце столетия и в таких странах, как Голландия (1699 г.), Швеция (1700 г.), Дания (1700 г.).

Говоря о степени изученности проблемы возникновения и деятельности первых постоянных представительств России в Европе, следует отметить, что количество работ, посвященных им, не велико. Так, в 1854 году вышла монография А. Н. Попова, в которой рассматривался процесс организации первой постоянной дипломатической миссии России на территории Речи Посполитой. Деятельность первого русского «резидента» (так в то время называли постоянно проживающего в иностранном государстве посла) Василия Михайловича Тяпкина на территории Польско-Литовского государства в 1674—1677 гг. исследуется в контексте развития международных отношений с 1672 по 1677 гг. [Попов, 1854]. В конце XIX столетия появилась работа В. Н. Александренко о постоянной миссии России на

территории Великобритании [Александренко, 1857]. Известна также его статья в «Журнале Министерства народного просвещения», посвященная инциденту, произошедшему с первым полномочным русским послом в Англии А. А. Матвеевым [Александренко, 1893].

Среди советских историков, так или иначе затрагивавших тему возникновения или деятельности постоянных дипломатических представительств, можно назвать Л. А. Никифорова (его труд посвящен русско-английским отношениям в эпоху Петра Великого) [Никифоров, 1950], В. Е. Возгрин, Н. Н. Молчанова, И. П. Шаскольского [Возгрин, 1986; Молчанов, 2003; Шаскольский, 1998].

Из современных исследователей к проблеме становления и развития профессиональной дипломатической службы России, а также к истории возникновения постоянных дипломатических представительств обращались, в частности, Н. М. Рогожин и Т. В. Зонова [Российская дипломатия..., 2001]. В статье Т. В. Зоновой, например, представлена реконструкция процесса возникновения российской и европейской профессиональной дипломатической службы. При этом автор полагает, что процесс формирования системы постоянных представительств относится к эпохе правления Петра I.

В данной статье будут рассмотрены вопросы, связанные с содержанием русских посольств в Европе, обеспечением дипломатов всем необходимым в пути к месту назначения и в ходе их пребывания за рубежом.

Материальное обеспечение служащих Посольского приказа – учреждения, занимавшегося внешней политикой России в XVI—XVII вв., — состояло из денежного и натурального жалованья, а также поместных окладов. Когда за границу отправлялось очередное чрезвычайное русское посольство, то объем выплачиваемых его членам денежных и натуральных средств, площадь поместий определялись из опыта прошлых посольств, отправлявшихся в ту или иную страну. При этом общая сумма денежного довольствия равнялась двум годовым окладам служащего Посольского приказа. В качестве

«подмоги» выплачивались также добавочные средства в размере годового жалованья. После возвращения на родину дипломаты получали вознаграждение опять же деньгами и землей. Здесь следует отметить, что жалованье членов русских посольств зависело не только от опыта их предшественников, но также от ранга, который занимал тот или иной человек. Конечно же, на размер оклада влияли и успехи, которых удавалось достичь в ходе выполнения миссии. Еще одним видом доплаты являлись так называемые «праздничные деньги», приуроченные к церковным праздникам (Рождество Христово, Пасха, Рождество Богородицы) и именинам членов царской семьи [Рогожин, 2003, с. 52—53].

В 1673 году в Речь Посполитую на должность постоянного представителя России был направлен стольник Василий Михайлович Тяпкин. Надо отметить, что это была уже вторая поездка стольника в Польшу в качестве «резидента». В первый раз он отправился туда в июле 1668 года, но по случаю междуцарствия не был принят и возвратился в Москву 8 января 1669 года [Белокуров, 1906, с. 66]. В. М. Тяпкину в Москве было выдано жалованье 400 рублей деньгами и 300 рублей соболями. Кроме того, с собой он вез меха «на раздачу». Их стоимость составляла 200 рублей. Во время пребывания стольника на посту «резидента» ему ежегодно отправляли из Москвы жалованье и меха. Например, 8 октября 1674 года из столицы с подьячим Василием Тимофеевым было отправлено 400 золотых червонцев и 500 рублей соболями для раздачи. Эти деньги и меха В. М. Тяпкину направили на тот случай, если он примет участие в съездах с турецкими послами. 13 июля этого же года в Польшу выехал подьячий Максим Бурцов, который вез «резиденту» меха соболей, белок и горностаев на сумму триста рублей. 10 февраля 1675 года с В. Тимофеевым были посланы соболиные меха на ту же сумму. 18 ноября 1676 года через сына стольнику было передано двести рублей. Кроме того, в Москве уплатили кредитору русского «резидента» греку Кирьяну Исарову двести пятнадцать рублей. Всего Василию Тяпкину

было дано денег с собой, послано затем к нему в Польшу и заплачено К. Исарову 2195 рублей. Власти самой Речи Посполитой за дрова и «конский корм» с 1 февраля по 1 июля 1676 года выплатили стольнику 1012 рублей, а с 1 июля 1676 года по 20 мая 1677 года (отпуск из Варшавы) — 320 рублей [РГАДА, ф. 79, оп. 1, 1688 г., ед. хр. 4, л. 1—5].

В дальнейшем опыт снаряжения на «резиденцию» В. М. Тяпкина использовали при отправке в Речь Посполитую новых постоянных послов. Так, в 1688 году в Польско-Литовское государство в качестве «резидента» прибыл Прокофий Богданович Возницын. С ним, как и с В. М. Тяпкиным, отправились один переводчик (Степан Чижинский) и двое подъячих Посольского приказа (Михаил Родостамов и Иван Волков) [Там же, л. 11]. При этом если сначала М. Родостамову определили жалованье в двенадцать рублей, а И. Волков оказался «не верстан», то после ознакомления с выпиской из бумаг В. М. Тяпкина обоим подъячим установили оклад такой же, как у их предшественников. Теперь М. Родостамов получил сто рублей деньгами и двадцать соболями, а И. Волков пятьдесят и десять рублей соответственно [Там же, л. 13—15]. Точно такой же объем жалованья был у поехавших с В. М. Тяпкиным подъячих [Там же]. В составе миссии П. Б. Возницына находился священник. При определении размера его жалованья вновь использовали опыт первого русского «резидента» в Польше: «И дать ему подмогу во всем против того, что дано было священнику для такие ж посылки, который послан ... в прошлом в 1674 году с стольником с Василием Тяпкиным» [Там же, л. 8]. Установили содержание и поехавшим с послом смоленским стрельцам. Им выдали сукно и по восемь рублей на человека [Там же, л. 16]. Во время выполнения П. Возницыным дипломатической миссии из Москвы ему также посылали деньги. Начиная с первого апреля 1688 г. и по первое августа посол получал по шестьдесят рублей в месяц, а с первого августа по первое декабря — по тридцать рублей «золотыми червонными». Причина посылки в первом полуго-

дии большей суммы заключалась в том, что П. Возницыну «велели из Гродно с сейма ехать с королем в обоз» [РГАДА, ф. 79, оп. 1, 1696 г., ед. хр. 3, л. 6].

Аналогичным образом снаряжалась и миссия дьяка Ивана Волкова, который отправился в Речь Посполитую в 1689 году на смену П. Возницыну. Как и ему, дьяку выдали тысячу рублей, причем две трети деньгами, а треть соболиными мехами. На раздачу же И. Волков получил двести рублей мехами [РГАДА, ф. 79, оп. 1, 1689 г., ед. хр. 7, л. 4—5]. С послом поехали двое подьячих: Леонтий Паюсов и Никита Ключарев (позднее заменен на Льва Волкова). Им было выдано такое же жалованье, как и подьячим двух предыдущих «резидентов». Причем определялось оно дважды, как и в случае с М. Родостамовым и И. Волковым. Если сначала Л. Паюсову хотели выдать только девятнадцать рублей, то затем В. В. Голицын (новый глава Посольского приказа) и его заместители приказали увеличить сумму до ста рублей и еще двадцать выдать соболями. Н. Ключарев же получил, соответственно, пятьдесят и десять рублей [Там же, л. 13—14].

На смену Волкову была отправлена миссия дьяка Бориса Михайлова 16 февраля 1691 года [РГАДА, ф. 79, оп. 1, 1691 г., ед. хр. 4, л. 2]. Новое посольство снаряжалось так же, как и два предыдущих, то есть равные суммы денег, то же количество подьячих. Однако обращает на себя внимание тот факт, что работа за границей в качестве члена дипломатической миссии явно не привлекала служащих Посольского приказа. Об этом можно судить по следующим событиям. Старший подьячий Степан Часовников, назначенный в состав посольства Михайлова, отказался ехать, сославшись на болезнь. При этом получал он денег и мехов в два раза больше, чем его коллега Афанасий Васильев [Там же, л. 11]. Главе Посольского приказа Е. Украинцеву пришлось назначать другого подьячего, причем по жребию [РГАДА, ф. 79, оп. 1, 1691 г., ед. хр. 4, л. 12]. Кроме традиционного жалованья в тысячу рублей, Б. Михайлов получил еще 100 рублей из Новго-

родского приказа. Нововведением была выдача ему в Смоленске ста четвертей ржи и такого же количества овса. Очевидно, в Москве не рассчитывали на помощь от поляков, которые до этого не раз отказывались предоставить бесплатно русским «резидентам» требуемое количество припасов, и сами выдали продовольствие и фураж своему новому посланнику. В 1692 и 1693 гг. Борису Михайлову высылали дополнительно по пятьсот шестьдесят рублей в качестве жалованья и соболиные меха стоимостью сто рублей ежегодно. Кроме того, из Москвы не забывали присылать и соболей «на раздачу».

Вообще же следует отметить, что размер жалованья отправленных на «резиденцию» дьяков и подьячих существенно отличался от оклада их коллег, работавших в российских приказах. На протяжении всего XVII столетия приказные дьяки получали от пятидесяти до ста рублей ежегодно. При этом наиболее распространенными были оклады в 70—80 рублей [Демидова, 1987, с. 122]. Таким образом, дьяки, назначенные на должность постоянных послов в Польше, получали значительно больше своих коллег, служивших в приказах. Более того, существенно «отставали» от первых постоянных представителей даже думные дьяки (сначала стоявшие во главе Посольского приказа, а затем ставшие заместителями возглавлявших это внешнеполитическое ведомство людей). Последним вплоть до 1676 года, когда появились оклады, достигавшие 555 рублей, платили не более 300—350 рублей [Там же, с. 119—120].

Таким образом, даже жалованье стольника В. М. Тяпкина, выплаченное ему при отправке в Польшу, на пятьдесят рублей превосходило самый высокий оклад думных дьяков. Если мы сравним объем жалованья подьячих, находившихся при постоянных дипломатических представителях, с окладом приказных подьячих, то увидим, что первые получали значительно больше денег. В 1680-е годы лишь нескольким подьячим, работавшим в России, платили от сорока до пятидесяти рублей [Там же, с. 126]. А находившиеся при послах подьячие, как следует из выше указанного, получали по пятьдесят и сто

рублей, не считая мехов. Можно сделать вывод, что они фактически получали столько же, сколько и приказные дьяки.

Несмотря на такое, казалось бы, отличное обеспечение, русские «резиденты» постоянно сообщали о своих финансовых затруднениях. Еще В. М. Тяпкин писал, что из-за отсутствия денег вынужден заложить свою ферязь [Соловьев, 1995, с. 557]. Жалобы П. Возницына и И. Волкова не отличались оригинальностью. Первый, например, сообщал, что, живя в Польше, «покупал съестные припасы и конские кормы, и ездя за королем, нанимая подводы дорогой ценой, оскудал и одолжал». И. Волков также писал в своих письмах: «Будучи в той посылке при дворе польского короля на разных местах и в обозовых дальних походах и на сейме служилую рухлядь и лошади, и людские и конские кормы...покупая дорогою ценою оскудал и одолжал» [РГАДА, ф. 79, оп. 1, 1696 г., ед. хр. 3, л. 6—7]. В 1691, и в 1692, и в 1693 годах Б. Михайлов жаловался, что «нужен и разорен и не пожалован, «а из скарбу королевского в даче отказали», «и питается продавая последнее платье», а в иные дни голодает [Там же, л. 1].

Действительно, нашим «резидентам» приходилось тратить все присылаемые деньги и даже брать в долг для покрытия своих расходов, и на то были свои причины. Во-первых, необходимо было покупать продовольствие для себя и своих людей, а также фураж для лошадей, которые стоили очень дорого. В. М. Тяпкин, например, писал, что «четверть московскую ржи покупали за пять рублей, овса за три рубля». В некоторых местах даже за такие деньги хлеба купить не могли [РГАДА, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 173, л. 164.]. Во-вторых, приходилось самим нанимать подводы, так как поляки с завидным упорством отказывались бесплатно предоставлять их русским послам. В-третьих, деньги уходили на взятки должностным лицам Речи Посполитой, а также на покупку новостей и снабжение информаторов. Таким человеком, сообщавшим важные сведения для В. М. Тяпкина, например, был староста Сокольский [Соловьев, 1995, с. 550—551].

Как видим, денег русским послам действительно требовалось много и их постоянно не хватало.

Таким образом, финансирование первых постоянных представителей на территории Речи Посполитой было явно недостаточным, хотя русское правительство и стремилось обеспечить своим послам достойную жизнь. Здесь играли свою роль и объективный, и субъективный факторы. С одной стороны, высокие цены, а с другой — невыполнение поляками своих обязательств по обеспечению русских послов средствами передвижения по стране приводили буквально к разорению «резидентов» из России. Не последнюю роль играла и необходимость покупать определенные сведения. Сама система финансирования миссии начинает формироваться с 80-х годов XVII века. Объем жалованья первого русского «резидента» могли определить исходя из величины оклада думных дьяков, а начиная с отправления в Речь Посполитую П. Б. Возницына уже можно говорить о возникающей системе. В ее основе лежал принцип выплаты жалованья думным приказным дьякам и подьячим, хотя, конечно, немаловажную роль при определении размера оклада сыграл и опыт финансирования самого первого русского «резидента».

При Петре I институт постоянных дипломатических представительств продолжал развиваться. Еще в конце XVII века Посольский приказ направил в Голландию (1699 г.) и в Швецию (1700 г.) в качестве «резидентов» А. А. Матвеева и А. Я. Хилкова. В том же 1700 году в Данию послом назначили А. П. Измайлова [РГАДА, ф. 53, оп. 1, 1700 г., ед. хр. 6, л. 1]. В 1701 году в Варшаве также появился новый русский «резидент» – Г. Ф. Долгорукий. Впоследствии в 1706 году его сменил племянник В. Л. Долгорукий, который, впрочем, недолго пребывал в Варшаве. В 1707 году он возглавил дипломатическую миссию в Дании [Бантыш-Каменский, 1897, с. 240].

В начале XVIII века сумма оклада для глав дипломатических миссий еще не была твердо установлена. А. П. Измайлов, в частности, получил в Москве жалованье в 2500 рублей, а ехавшие с ним

посольские дворяне — 100 рублей на человека [РГАДА, ф. 53, оп. 1, 1701 г., ед. хр. 3, л. 11—11 об.]. А. Я. Хилкову выдали 666 рублей, его переводчику — 70 рублей, а подьячим по 50 рублей на человека [РГАДА, ф. 96, оп. 1, 1700 г., ед. хр. 10, л. 1—1 об.]. Следует отметить, что А. Я. Хилкову и его подчиненным пересылали деньги и в 1701, и в 1702, и в 1703 гг., причем в том же объеме, несмотря на то, что после начала войны между Россией и Швецией русские дипломаты находились под арестом. А. А. Матвееву при отправке за рубеж выплатили 2500 рублей [РГАДА, ф. 50, оп. 1, ед. хр. 2, л. 4]. Стольник и генерал-адъютант Григорий Федорович Долгорукий в Москве в качестве жалованья получил 2000 рублей, а для поездки в Лифляндию с Августом II еще 500 рублей [РГАДА, ф. 79, оп. 1, 1700 г., ед. хр. 21, л. 23]. Сыну же князя Алексею Долгорукому выдали 300 рублей [РГАДА, ф. 79, оп. 1, 1706 г., ед. хр. 7, л. 6]. В. Л. Долгорукому в Москве назначили жалованье в 1500 рублей [Там же, л. 5].

Говоря о жалованье подьячих, входивших в состав постоянных дипломатических представительств в XVIII веке, следует отметить, что оно по-прежнему превышало оклад их коллег из московских приказов. К концу XVII века наиболее распространенными стали оклады в 5, 10 и 20 рублей [Демидова, 1987, с. 127].

По-прежнему содержание русских дипломатических представителей также включало в себя деньги и натуральные выдачи, которые они получали не только в Москве, но и от иностранных правительств. Находясь на своем посту, А. П. Измайлов, например, получал от датчан «кормовые деньги» сначала по 50 ефимков в день. По-видимому, эти деньги выдали ему еще в Гамбурге, на границе с Данией, а затем, уже в Копенгагене, добавили к ним еще 512 ефимков. Затем русский посол стал получать каждый месяц по 10 ефимков в день. Дворянам, переводчику и подьячим также ежемесячно платили «кормовые»: дворянам по 15 и 5 ефимков, переводчику по 15, а подьячим по 13 и 10 ефимков на день датскими рейхсталерами. Натуральное жалованье от датчан состояло из выдаваемых «резиденту» ежедневно че-

тырех восковых свечей, шести возов дров зимой и трех возов летом еженедельно. Остальным членам посольства давали по 23 «сальных маковых» свечи [РГАДА, ф. 53, оп. 1, 1700 г., ед. хр. 6, л. 41 об. — 42]. Получали дипломатические представители России и подарки от иностранцев. В частности, тот же А. П. Измайлов по пути в Данию принял от президента и бургомистров Гамбурга «в почесть» две бочки рейнского вина, две бочки пива, живую рыбу, говядину и баранов. В долгу представитель России не остался и отдалился [Там же, л. 6 об.]. Сумма же «кормовых денег» А. Я. Хилкова в Швеции составляла 30 ефимков в день [РГАДА, ф. 96, оп. 1, 1700 г., ед. хр. 10, л. 8].

Отправляясь за границу, послы Петровской эпохи, как и их предшественники в XVI и XVII вв., получали меха соболя, предназначенные для подкупа иностранных политических деятелей, для награждения неофициальных информаторов или для выплаты жалованья членам посольства. Соболя являлись традиционными подарками правителям иностранных государств еще со времен Ивана III. Причина, по которой в подарок подносились шкурки именно этого животного, возможно, заключалась в ритуальном значении, которое имели соболя [Юзефович, 1988, с. 47]. Общая стоимость отправляемых мехов превышала несколько сотен рублей. К примеру, 25 апреля 1700 года вышел царский указ, согласно которому А. Я. Хилкова снабдили соболями на 200 рублей [РГАДА, ф. 79, оп. 1, 1700 г., ед. хр. 10, л. 55]. После ареста у русского резидента среди прочих ценностей конфисковали семь пар соболей стоимостью 5 рублей пара или 15 шведских ефимков, пару стоимостью в 30 рублей, две пары по 13 рублей и две пары за 10 рублей [РГАДА, ф. 96, оп. 1, 1700 г., ед. хр. 11, л. 24]. Документ, где указывается количество конфискованных шведами мехов и их стоимость, весьма интересен в том плане, что дает представление об интенсивности «раздачи» нужным людям. Дело в том, что в Стокгольм А. Я. Хилков прибыл во второй половине июля 1700 года [РГАДА, ф. 96, оп. 1, 1700 г., ед. хр. 10, л. 86.], а взяли

его под арест в начале октября этого же года. Значит, за такой непродолжительный промежуток времени посол истратил почти половину выделенных «на раздачу» средств. В частности, пару соболей стоимостью в пять рублей А. Я. Хилков подарил при отъезде из Нарвы сопровождавшему его до этого города приставу [РГАДА, ф. 96, оп. 1, 1700 г., ед. хр. 11, л. 6].

Кроме мехов, в XVIII веке для подкупа постоянных дипломатических представителей стали снабжать и другими ценностями, например тканями. Г. Ф. Долгорукий, в частности, привез с собой «на раздачу» 50 «косяков» китайских «камок», то есть шелков. Стоимость каждого «косяка» составляла 6 рублей [РГАДА, ф. 79, оп. 1, 1701 г., ед. хр. 21, л. 23]. Как видим, сумма, выданная этому послу и предназначенная «на раздачу», достигла 300 рублей.

Ярким примером того, как использовались присылаемые из Москвы средства, является деятельность А. А. Матвеева в Голландии. От специально приставленного к нему голландского агента Розенбома посол узнал, что в Нидерландах не принято предоставлять дипломатическим представителям других государств «кормов и иного удовольствования». А. А. Матвееву пришлось нанимать дворы для проживания. Стоила такая аренда от 800 до 1000 ефимков в год. Жилье же это предоставили российскому дипломату посол во Франции Гимскерк и принц Валдек [РГАДА, ф. 50, оп. 1, ед. хр. 2, л. 61—62.]

9 февраля 1700 года А. А. Матвеев отправил письмо Ф. А. Головину, в котором жаловался на тяжелую жизнь в Гааге. Резидент называл в своем послании Гаагу самым скучным городом, жители которого «нечеловеколюбны», зато любят получать дары. Жаловался посол и на высокую арендную плату за наем квартиры. Русский дипломат сообщал также, что его содержание, по сравнению с другими иностранными послами, очень невелико, и приводил в пример оклады шведского и австрийского дипломатических представителей. Первый получал по 12 000 ефимков в год, не считая средств, присылаемых на коней, кареты и именины короля. Жалованье же «це-

сарского» посла составляло 500 ефимков в месяц. Кроме того, он мог не арендовать двор, так как дом был выкуплен правительством его страны. «А мне чем с ними равняться при таком любопытном народе», — задавался вопросом А. А. Матвеев. В письме к Ф. А. Головину он просил прислать деньги на покупку кареты, лошадей и на «корм», так как «едуци с домишком чрез дальний путь, до конца истощился» [Соловьев, 1995, с. 41]. При этом А. А. Матвеев указывал, что карета и лошади нужны ему не для собственной прихоти, а для поддержания чести царя. Послы других государей, как пишет наш резидент, ездят в каретах, запряженных четверкой коней. Их экипажи стоят от 300 до 400 рублей. В то же время приславшие таких дипломатов правители не обладают высоким статусом. Подобные им государи, по словам А. А. Матвеева, служат российскому царю «в рабстве». Оберегая честное имя своего государя, русский посол не желал находиться «здесь перед меньших монархов служителями в нищете и посмеянии». В конце письма он называет еще одну причину, из-за которой ему необходимы средства. В Гааге, — пишет А. А. Матвеев, — живут послы всех государств, и, кроме того, скоро должен приехать английский король, а он, русский посол, не желает в это время сидеть «в затворе перед всеми» [РГАДА, ф. 50, оп. 1, 1700 г., ед. хр. 4, л. 5—6 об].

Денег нашему дипломату действительно требовалось много. В качестве примера отметим, что в 1704 году А. А. Матвеев получил 1500 гульденов, а его расходы составили 27 193 гульдена. Эти средства оказались распределены следующим образом: за наем квартиры — 2200 гульденов, на стол — 1560, на дрова — 1000, на стирку одежды — 200, на освещение — 500, на дворовую чистку — 60, на десять лошадей — 2600. Кузнецу и на починку экипажей уходило 200 гульденов. В Париж, куда его отправили с особой миссией, послу также пришлось ехать за свой счет [Молчанов, 1986, с. 178]. В столице Франции он нанял для проживания дом на улице Коломбине, который обошелся в 500 ефимков в год [РГАДА, ф. 50, оп. 1, ед. хр. 2, л. 104 об.]. Огромные расходы А. А. Матвееву приходилось покрыв-

вать из доходов своего имения [Молчанов, 1986, с. 178]. Однако данные траты носили, так сказать, личный характер. Деньги также шли на государственные нужды и жалование сотрудникам посольства. Например, в 1707 года за «реляции» о победах русских войск над шведами под Калишем «и в других местах» было заплачено 10 ефимков, за «реляции» о сражении в Курляндии посол дал 12 ефимков и 30 штигелей. Когда Андрей Артамонович Матвеев готовился отправиться в Англию, то «на подъем» из Голландии он выдал секретарю Дмитрию Никитину 100 ефимков, подсекретарю Ивану Леонтьеву — 80 ефимков, переводчику Ланчицкому — 40 ефимков [РГАДА, ф. 50, оп. 1, 1700 г., ед. хр. 5, л. 2 об. — 3].

В 1701 году из Сибирского приказа Андрею Артамоновичу Матвееву отправили четыре сорока соболей разной стоимости. Меха первой категории оценивались в 350 рублей, второй и третьей — в 250, а четвертой — в 150 рублей. Все они предназначались «на расходы от дел государевых в Голландии». 16 мая 1702 года эти «денежные» средства поступили русскому послу [Там же, л. 6]. Чаще всего А. А. Матвеев раздавал меха за сообщение ему как секретных, так и обычных новостей международной политики. Например, польский посланник Герсдорф «за приобщение послу многих тайных ведомостей» получил три пары соболей лучшего и три пары из среднего «сороков». Голландскому агенту Розенбому «за многие внутренние уведомления» и за другие услуги, оказанные России, А. А. Матвеев выдал три пары соболей высшей категории и одну из средней. Представитель голландского правительства Команс за сообщенные новости получил пару соболей из «среднего сорока». 11 ноября 1702 года русский «министр» (это еще одно наименование постоянных послов в XVIII веке) отослал три пары мехов «из лутшего среднего и из последнего сороков» Ламберту, бывшему послу курфюрста баварского за то, что он постоянно доносил секретные «ведомости» шведского посла в Гааге. Услуги Ламберта наш резидент оценил очень высоко. В 1702 году лишь английский посланник Стангоп получил мехов

больше, чем его коллега. Англичанину А. А. Матвеев выдал четыре пары соболей «от лучшего среднего и меньшего сороков» даже не столько за помощь в делах, связанных с Нидерландами, сколько за то, что он помешал шведам получить поддержку английской короны и правительства Голландии [Там же, л. 6 — 7 об.]. Если учесть связь и Великобритании, и Голландии со Швецией, то становится понятно, почему наш посол так щедро одарил своего коллегу. Вообще же, как видно из вышеприведенных примеров с Ламбертом и Стангопом, А. А. Матвеев выше всего оценивал услуги, связанные с противодействием Швеции, а самой ценной считал информацию из шведского представительства в Гааге.

Русский «министр» раздавал меха и за более мелкие, но не менее важные услуги. Так, например, он «отослал» пару соболей низшей ценности прусскому агенту и почтмейстеру Гелту за отправку писем в Москву и прием русской корреспонденции в Гааге. Две пары из «последнего сорока» были переданы голландским журналистам за то, что они напечатали в газетах новости о победе русских войск над шведами и о других «славных делах». Меха́ми же в 1702 году А. А. Матвеев оплатил работу своего переводчика Петра Вульфа. 3 ноября ему выдали одну пару соболей из среднего, а другую из «последнего» «сороков» [РГАДА, ф. 50, оп. 1, 1700 г., ед. хр. 5, л. 6 — 7 об.].

Подарки получали не только послы других государств, представители местной власти и чиновники, но также и члены правительства. 10 марта 1703 года русский «министр» раздал депутатам разных провинций и «статским» секретарям пятнадцать пар соболей разной стоимости за то, что они не оказали помощи шведам [Там же, л. 9 — 9 об.].

В 1708 году в Гаагу послу отправили не только соболиные, но и лисьи меха. При этом первые разбивались уже не только по «сорокам», но и по парам. Количество же «сороков» возросло до шести, а общая стоимость составила 1570 рублей. Соболиные же пары оценивались от 100 до 45 рублей. Кроме того, А. А. Матвеев получил и два «испода пластинчатые собольные» (по-видимому, одежду из соболи-

ного меха). Цена каждого «испода» составляла 1350 рублей [РГАДА, ф. 50, оп. 1, 1700 г., ед. хр. 5, л. 9 об. — 10 об.].

Причиной посылки таких значительных средств могло служить ухудшение международной обстановки для нашей страны. Действительно, в 1708 году А. А. Матвеев вернулся в Гаагу из Англии, где не смог добиться принятия своей страны в союз, направленный против Франции, и, более того, подвергся оскорблениям. В то же время русская армия отражала нашествие войск Карла XII. В таких условиях А. А. Матвеев обязан был не допустить помощи королю Швеции со стороны других европейских государств. Добиться этого, а также попытаться склонить на свою сторону некоторых влиятельных политиков следовало любым способом, в том числе и таким, как подкуп. Иностранцы сановники и простые чиновники получали русские меха за помощь, оказанную им А. А. Матвееву во «многих государевых делах», и за предоставление секретных сведений. При этом посол России не обходил своим вниманием и членов семей нужных ему людей. Примером может служить датский посланник фон Штекен, который за сообщенные им секретные сведения получил сорок соболей стоимостью 140 рублей. Его жене посол тоже передал соболиные меха [Там же, л. 11]. Интересен тот факт, что в отчетности о раздаче даров обязательно присутствует слово «в почесть». «Декабря в 7м числе амстердамского бургомистра де Газа, его госпоже сожительнице в почесть за способствования во многих государевых делех дано одна пара соболей во сто рублей» [Там же]. Действительно, голландцы рассматривали подносимые им подарки не в качестве взятки, а лишь как знак уважения. Наиболее ценные дары получали первые лица в правительствах иностранных государств. Так, например, первому королевскому министру в Англии Годольфину «в почесть от требования в союз с Англией вступить» посол преподнес «пластинчатый испод». Второй такой же подарок А. А. Матвеев сделал принцу Евгению Савойскому, когда тот прибыл в Гаагу. В отчете о ведении прихода и расхода государевой казны указано, что Е. Савойский по-

лучил «испод» «за многие вспоможения уставов генеральных в делах государевых» [РГАДА, ф. 50, оп. 1, 1700 г., ед. хр. 5, л. 11].

Говоря о расходах других послов, следует отметить, что Г. Ф. Долгорукий, например, получал специальные суммы для снаряжения гонцов в Россию. Вызвано это было нестабильной работой почты из-за военных действий на территории Речи Посполитой. По-видимому, первоначально посол отправлял гонцов за свой счет. Каждый курьер обходился князю в 30 рублей. Всего же Г. Ф. Долгорукому прислали за них 120 рублей. Для последующих курьеров, на их лошадей и «корм», специально выделили 200 рублей. Особой статьей расходов являлась покупка кареты и лошадей. Всем русским послам, Г. Ф. Долгорукому в том числе, полагалась 1000 ефимков [РГАДА, ф. 79, оп. 1, 1701 г., ед. хр. 21, л. 23]. Интересно, что А. П. Измайлов еще пришлось просить деньги взаймы на покупку лошадей и кареты. При этом он ссылался на А. А. Матвеева, которому такие средства выделили. Остается открытым вопрос, для чего же все-таки потребовалась русскому послу в Дании карета. Возможно, что он, как и его коллега в Голландии, оберегал государеву честь и потому не желал отставать от дипломатов других государств. Но, к сожалению, ссылка на А. А. Матвеева позволяет предположить, что А. П. Измайлов просто стремился во всем походить на других русских резидентов. Скорей всего, именно поэтому Ф. А. Головин «с товарищи» дали ему деньги в долг и обязали вернуть их до 1 сентября 1701 года [РГАДА, ф. 53, оп. 1, 1703 г., ед. хр. 3, л. 1 об. — 2].

Достаточно сложной проблемой для русских «резидентов» являлся вопрос о предоставлении им средств передвижения на территории иностранных государств, а также специальных приставов, которые бы встречали их на границе. При этом в каждой стране к проблеме предоставления всего вышеуказанного, а также «кормовых» российским дипломатам во время их следования в столицу иностранного государства подходили по-разному. Нельзя сказать однозначно, что везде оказывался теплый прием или, наоборот, требования «резиден-

тов» и «министров» оставались без внимания. Все зависело от таких факторов, как внутривосточная ситуация в стране пребывания, отношения, сложившиеся между ней и Россией, международная ситуация в целом. Если, к примеру, в Речи Посполитой пересекавшие границу послы в результате сложной политической ситуации внутри страны, а также специфики ее управления никогда не получали подвод, продовольствия и приставов, то в других странах ситуация складывалась несколько по-другому. А. А. Матвеев, например, снабжался подводами на всем протяжении пути от границ России до Голландии на территории шведских владений в Прибалтике и землях Бранденбурга [РГАДА, ф. 50, оп. 1, ед. хр. 2, л. 13 об., 24 об.].

Лишь в пограничном голландском городе Нимвегене произошла задержка: местный комендант Фонсален объявил присланным от посла дворянину и подьячему, что принять сейчас русского дипломата не может, поскольку нет указа от Генеральных штатов. Он посоветовал А. А. Матвееву подождать в бранденбургском городе Клеве, пока придет ответ из Гааги. В противном случае в Нимвегене послу России придется жить на свои средства. С 3 по 13 января 1700 года русский «министр» проживал в голландском городе, обосновав свое нежелание ждать в Клеве тем, что его послали к Генеральным штатам, а не к бранденбургскому курфюрсту. Однако уже 8 января 1700 года в Нимвеген прибыл представитель голландского правительства Гетсель, которому поручили проводить русского посла до Гааги. Для продолжения пути были присланы пять яхт и «корм». Принимали посла России с большой пышностью. Еще в местечке Горонбрюге его встретили два депутата, сообщившие, что А. А. Матвееву и сопровождающим его людям прислали пятьдесят карет [Там же, л. 48 об. — 50].

В случае с А. Я. Хилковым тоже можно говорить о проявленном шведской стороной уважении. Небольшая заминка произошла только на границе, куда резидент приехал 24 июня 1700 года. Здесь пристав не смог принять его в тот же день, так как подводы оказались не го-

товы. 25 июня 1700 года посла встретили «по обычаю с подобающей честью», но продовольствие пристав за неимением указаний выдать не смог. Таким образом, А. Я. Хилков отправился далее на предоставленных ему шведами подводках, но на своем «корму» [РГАДА, ф. 96, оп. 1, 1700 г., ед. хр. 10, л. 78]. Зато перед Нарвой посла встретили майор с солдатами и четырьмя каретами и проводили в город. Здесь русского дипломата поселили на уже подготовленном дворе, где он проживал с 25 июня по 4 июля 1700 года и получал «кормовые» деньги по 30 ефимков в день. Причина задержки заключалась в отсутствии попутного ветра, так как из Нарвы до Стокгольма следовало добираться морем. Из Нарвы до шведской столицы посла сопровождал уже другой пристав [Там же, л. 81]. Об отношении нарвских властей к А. Я. Хилкову говорит и тот факт, что они удовлетворили требование посла, предъявленное к состоянию корабля, на котором ему следовало ехать в Стокгольм. Шкипер загрузил судно пенькой и другими товарами. Русский резидент заявил, что он выполняет волю своего государя и на подобном корабле не поедет. Пеньку тут же выгрузили в присутствии майора и пристава [РГАДА, ф. 96, оп. 1, 1700 г., ед. хр. 11, л. 5 об. — 6]. Когда в столице Швеции посол выяснил, что Карл XII находится в Дании, и собрался ехать к нему, то по указу «первого боярина» Гранбента выделили пристава и тридцать девять подвод [Там же, л. 7 об. — 8]. Из Швеции в Данию резидента перевозили на специально присланной королевской яхте [Там же, л. 10]. Таким образом, А. Я. Хилкова в Швеции, вплоть до вступления в Великую Северную войну России, принимали с большим почетом. Причина этого заключалась в подтверждении Петром I мирного договора, заключенного еще его отцом Алексеем Михайловичем.

Подводя итог, отметим, что обеспечение в пути А. А. Матвеева и А. Я. Хилкова со стороны иностранных правительств средствами передвижения и деньгами на закупку продовольствия можно считать вполне приемлемым. Небольшие сбои в снабжении дипломатов всем необходимым были вызваны не внутри- или внешнеполитической

нестабильностью и не напряженными отношениями между Россией и странами, где начали выполнять свои обязанности послы, а неосведомленностью представителей местных властей о приезде дипломатов. Впрочем, в этом случае положение быстро исправляли.

Несколько иная ситуация сложилась с А. П. Измайловым. Он отправился в путь осенью 1700 года. В Орше — городе на границе России и Речи Посполитой, в средствах передвижения, «корме» и в конвое ему отказали. Дело в том, что в городе в это время находился только один староста, сославшийся на отсутствие полномочий. Ближнему стольнику так и пришлось ехать через Литву на наемных подводах. 25 ноября 1700 года, достигнув границы Бранденбургского курфюршества, А. П. Измайлов все-таки получил телеги у коменданта города Тилту, но «корм» так и не выдали: комендант сослался на отсутствие указа курфюрста [РГАДА, ф. 53, оп. 1, 1700 г., ед. хр. 6, л. 2 — 3 об]. Не получил А. П. Измайлов подвод и продовольствия и в Мекленбургской, и в Люненбургской землях. Лишь в Гамбурге, на границе с Данией, предоставили ему провозатых, подводы и «корм»: 4000 ефимков в кронах. На территории королевства посла от города до города сопровождали по десять — пятнадцать человек драгун. Также датчане предоставили и необходимые средства передвижения [Там же, л. 6 об. — 7].

Таким образом, с конца XVII века по начало XVIII столетия начинает складываться система финансирования постоянных дипломатических представительств России. Получаемые средства состояли из собственно денег и натуральных выдач, включавших в себя как дорогие меха и ткани, так и продовольствие для людей и фураж для коней. Несмотря на то, что иностранные правительства также выделяли определенные средства для русских представительств, существовали дипломатические миссии лишь благодаря финансовой поддержке из Москвы. При этом, несмотря на значительные объемы предоставляемого Русским государством средств, последних постоянно не хватало. «Резиденты» и в XVII, и в начале XVIII столетий постоянно жаловались в Москву, что вынуждены брать деньги в долг, продавать вещи

(В. М. Тяпкин) или покрывать огромные расходы из средств, получаемых из собственных владений в России (А. А. Матвеев). Деньги шли не только на содержание самих посольств, но также на такие важные дела, как покупка необходимой информации, подкуп нужных людей и награды, выдаваемые русскими послами за оказанные их правительству услуги. Подкуп в то время стал обычным дипломатическим приемом, позволявшим не только вести пропаганду и создавать за границей благоприятное впечатление о своем государстве, но и приобретать необходимых партнеров. В Москве, а затем и в Петербурге прекрасно это понимали. Именно поэтому особое внимание в столицах уделяли данной статье расходов и старались не оставлять без внимания просьбы «резидентов» о посылке новых средств.

Источники и принятые сокращения

1. РГАДА — Российский государственный архив древних актов.
Ф. 50. Оп. 1. Ед. хр. 2.
Ф. 50. Оп. 1. 1700 г. Ед. хр. 4, 5.
Ф. 53. Оп. 1. 1700 г. Ед. хр. 6.
Ф. 53. Оп. 1. 1701 г. Ед. хр. 3.
Ф. 53. Оп. 1. 1703 г. Ед. хр. 3.
Ф. 79. Оп. 1. 1688 г. Ед. хр. 4.
Ф. 79. Оп. 1. 1689 г. Ед. хр. 7.
Ф. 79. Оп. 1. 1691 г. Ед. хр. 4.
Ф. 79. Оп. 1. 1696 г. Ед. хр. 3.
Ф. 79. Оп. 1. 1700 г. Ед. хр. 10.
Ф. 79. Оп. 1. 1701 г. Ед. хр. 21.
Ф. 79. Оп. 1. 1706 г. Ед. хр. 7.
Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 173.

Литература

1. *Александренко В. Н.* Дело об оскорблении русского посла в Лондоне А. А. Матвеева / В. Н. Александренко // Журнал Министерства народного просвещения. — 1893. — № 9. — С. 158—172.
2. *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. : в двух томах / В. Н. Александренко. — Варшава : Типография Варшавского учебного округа, 1897. — Т. 1. — 1897. — 412 с.

3. *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 г.) : в трех частях / Н. Н. Бантыш-Каменский. — Москва : Типография Э. Лиснера и Ю. Романа, 1897. — Ч. 3. — 278 с.

4. *Белокуров С. А.* О Посольском приказе / С. А. Белокуров. — Москва : Типография Общества Распространения Полезных книг, 1906. — 170 с.

5. *Возгрин В. Е.* Россия и европейские страны в годы Северной войны (история дипломатических отношений в 1697—1710 гг.) / В. Е. Возгрин. — Ленинград : Наука, 1986. — 295 с.

6. *Демидова Н. Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма / Н. Ф. Демидова ; отв. ред. А. А. Преображенский ; АН СССР, Ин-т истории СССР. — М. : Наука, 1987. — 225 с.

7. *Зонова Т. В.* Компаративный анализ становления российской и европейской профессиональной дипломатической службы / Т. В. Зонова // Российская дипломатия : история и современность. — Москва : РОССПЭН, 2001. — 93—109 с.

8. *Молчанов Н. Н.* Дипломатия Петра Первого / Н. Н. Молчанов. — Москва : Международные отношения, 1986. — 447 с.

9. *Молчанов Н. Н.* Петр I / Н. Н. Молчанов. — Москва : Эксмо, 2003. — 477 с.

10. *Никифоров Л. А.* Русско-английские отношения при Петре I / Л. А. Никифоров. — Москва : Изд-во политической литературы, 1950. — 282 с.

11. *Попов А. Н.* Русское посольство в Польше в 1673—1677 гг. : несколько лет из истории отношений древней России к европейским державам / А. Н. Попов. — Санкт-Петербург : Типография морского кадетского корпуса, 1854. — 287 с.

12. *Рогожин Н. М.* Образование и деятельность Посольского приказа / Н. М. Рогожин // Российская дипломатия : история и современность / редколлегия : И. С. Иванов, А. В. Торкунов, П. В. Стегний. — Москва : РОССПЭН, 2001. — 424 с.

13. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен : в 18 книгах / С. М. Соловьев. — Москва : Голос, 1995. — Книга 6. — 671 с.

14. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен : в 18 книгах / С. М. Соловьев. — Москва : Мысль, 1993. — Книга 8. — 639 с.

15. *Шаскольский И. П.* Экономические связи между Россией и Швецией в XVII веке : документы из советских архивов / И. П. Шаскольский. — Москва — Стокгольм : Наука, 1978. — 320 с.

16. *Юзефович Л. А.* «Как в посольских обычаях ведется» / Л. А. Юзефович. — Москва : Международные отношения, 1988. — 216 с.

© **Колегов Святослав Сергеевич (2014)**, кандидат исторических наук, ассистент кафедры европейских исследований, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург), sv.kolev@mail.ru.